

РАССКАЗЫ О СОВЕТСКИХ ФЛОТОВОДЦАХ

ТОЛЬКО ЗВЕЗДЫ НЕЙТРАЛЬНЫ...

Кончилась долгая полярная ночь. Рассеивалась тоскливая темнота. Стихал ветер океана, устало облизывая вершины сопок. Потускнела белесая дуга северного сияния, висевшая в небе словно ворота в далекие неведомые миры.

Душенов смотрел в окно. Ничто здесь не напоминало знакомые южные края. Разве думал он, столько лет прослужив начальником штаба Черноморского флота, что придется сняться с якоря и двинуться на край земли. Правда, военный человек должен быть готов ко всему. И все-таки очень уж неожиданно пришел приказ о назначении его командующим Северной флотилией. Казалось бы, повышение должно обрадовать. И еще какое повышение! Но Душенов не радовался. Слишком много сил было отдано Черноморскому флоту. Да и привычка — вторая натура. Графская пристань, исторические памятники, корабли на рейде, каждый камень Севастополя был знаком ему и бесконечно дорог. Все это накрепко вошло в его жизнь, и расстаться с этим было невозможно.

А жена, к его удивлению, сразу же деловито стала готовиться к отъезду.

— Костя, я постригусь,— заявила она.— Ведь мы едем на Север... Зачем мне такая тяжесть?

Она вынимала шпильки, трясла головой, и роскошные светло-каштановые волосы обнимали ее плечи, спину.

Душенов помахал пальцами у носа жены:

— Только посмей!

Она лукаво улыбнулась и не спешила собрать волосы в пучок.

К вечеру второго дня квартиру захламили чемоданы, тюки, коробки.

— А книги, книги еще не упакованы! — восклицала она.— Как же там без книг?

Душенов с грустной улыбкой поглядывал на оживленную, хлопочущую жену.

И Юрка, сын, от радости не ходил, а летал. Начитался Жюль Верна и мечтал следовать по ледяной пустыне к полюсу за капитаном Гаттерасом, доктором Клаубони. Он таинственно шептался о чем-то с мальчиками, что-то такое записывал в школьную тетрадку и обещал, когда приедет на Север, исследовать, выяснить, сообщить «подробности письмом»...

Душенов последний раз затянулся, потом сунул папиросу в выдвижную пепельницу, ввинченную возле окна, и вошел в купе. Жена в пестром халате, в косынке, под которой горой возвышалась прическа, лежала на нижней полке. Юрка в новой пижамной куртке, топорщившейся на нем мешком, сидел у матери в ногах и читал вслух:

«...Шандон и его товарищи напрасно искали удобный для судна проход. Пройдя три мили, они без труда поднялись на ледяную гору высотой около трехсот футов. Взору их предстала безотрадная картина: хаос льдов напоминал развалины какого-то гигантского города с поверженными обелисками, с опрокинутыми башнями и руинами дворцов...»

Не отрывая глаз от книги, сын сказал:

— Папка, садись и слушай!

Жена с готовностью отодвинулась к стенке.

Душенов потянулся к термосу с кофе, но жена тут же накрыла ладонью его руку:

— Не надо, Костя. Опять ведь до утра не уснешь.

Ладонь у нее была холодная.

— Замерзла? — спросил он, радуясь ее улыбке.

— Нет, мне тепло. Приляг, отдохни.

Душенов расстегнул воротник кителя, и сразу как-то легко стало дышать. Только сейчас понял, что ему мешал тугой воротник. Снял китель, лег на свою полку. Показалось, что полка дрогнула и прогнулась под его грузным телом. Голова коснулась холодной жесткой подушки. Простыня была пропитана запахом хозяйственного мыла. Непривычно. Вспомнилась широкая кровать, приятно пахнущее белье: жена, стирая простыни и наволочки, специально для запаха бросала в бак с кипящим бельем кусочки туалетного мыла.

Душенов закрыл глаза. Под боком у него мерно отстукивали колеса: так-так, так... А на стыках рельс добавлялся еще легкий щелчок.

Юрка читал:

«...Насколько хватало глаз, море всюду было сковано льдом. Внезапно масса льдов, до тех пор неподвижных, раскололась на части и пришла в движение; вскоре айсберги нагрянули со всех сторон, и бриг очутился среди плавучих гор, грозивших его раздавить...»

— Пап, а мы увидим айсберги?

Душенов притворился спящим. Мать сказала:

— Папа уснул, сынок. Читай потише.

«...Управлять кораблем стало настолько трудно, что у штурвала поставили Гарри, лучшего рулевого. Ледяные горы, казалось, немедленно смыкались за бригом. Они начинали прорываться через этот лабиринт льдов...»

Душенов слушал рассеянно, думая совсем о другом: идея создания на Севере большого флота представлялась мудрой и заманчивой. Но ведь там до последнего времени командовал флотилией Захар, его товарищ. Они вместе учились в академии, дружили семьями. Теперь получалось не совсем удобно: Захар должен уступить место ему, Душенову. Давно поговаривали, будто у Захара дела неважные. Но Душенов не очень-то этому верил. И только когда пришло известие, что Душенову придется принимать флотилию, он понял: не все, что болтали о Захаре, вранье. И первый раз серьезно задумался. «Ах, Захар, Захар!..»

Юрка как будто повысил голос:

«...Вдруг раздался страшный грохот. Водяной смерч хлынул на палубу брига, приподнятого громадной вол-

ной. У всех вырвался крик ужаса; между тем Гарри, стоя у руля, держал бриг в нужном направлении, хотя «Форвард» швыряло из стороны в сторону...»

Душенов улыбнулся. Так они часто, жена Леля и Юрка, читают вслух по очереди. Как они похожи друг на друга! Два человека как один, будто частица самого Душенова, неотделимая, родная частица.

Мысли опять переключились на Захара. Как-то они завтра встретятся? Поймет ли его Захар? Не обидится ли?

Он засыпал, и чудились ему огромные ледяные горы, сжимавшие судно капитана Гаттераса. Через пробойны хлынул поток воды. И в этом потоке отчаянно барахтался Захар. Душенов порывался прийти ему на помощь, но не мог сдвинуться с места, будто прирос к палубе.

— Папа! Скоро Мурманск! — услышал он Юркин голос и, открыв глаза, увидел сына в новой вельветовой курточке с острыми складками на рукавах. Леля, смочив ладони, потерла рукава, но складки не распрямлялись!

Душенов сейчас видел жену такой, какой она ему нравилась: свежей, румяной, в голубом халате, с туго заплетенной золотистой косой, небрежно свисавшей через плечо, подобно ожерелью. Она наклонилась к нему, коснулась губами щеки. От нее пахло незнакомыми духами.

— С добрым утром!

— С добрым! — откликнулся он и, лежа сделав несколько резких движений руками, поднялся.

За окном вагона мелькал скупой северный пейзаж. Бесконечные гряды рыжих сопок, тощие низкорослые березки, хилый кустарник. Невольно вспомнилась густая субтропическая зелень Черноморского побережья. Правда, небо здесь было похоже на севастопольское — такое же синее, только более холодного тона, как будто в синеву добавили молока.

— Юра, взгляни-ка, это старинный поморский поселок Кола.

— Где, где?.. — мальчик вырвался из рук матери, прильнул к окну.

Мимо плыли почерневшие бревенчатые избы и множество сетей, растянутых на деревянных кольях.

Поезд приближался к Мурманску.

Встречали нового командующего скромно. На доща-

том перроне стояли всего трое моряков. Среди них выделялся невысокий квадратный человек.

Юрка крикнул:

— Папка! Смотри, дядя Захар!

Душенов узнал старого друга. И опять защемило сердце...

Поезд остановился. В распахнутую дверь вагона влетел запах паровозного дыма. Юрка ладонью помахал у своего носа и засмеялся. Душенов вышел на перрон, мучительно подыскивая слова, которые должны быть сейчас сказаны. Но Захар опередил его:

— Здравствуй, Константин Иванович!

Душенов ощутил большую мясистую руку, почувствовал тяжелое нездоровое дыхание друга, и ему снова стало неловко. Он крепко обнял Захара и дольше, чем следовало, задержал руки на его плечах.

Юрка еле дождался своей очереди, бесцеремонно повис на шее у дяди Захара.

— Вырос-то как! — восхитился Захар и, улыбнувшись Леле, поцеловал её руку.

Юрка вертел головой, цепко схватывая взглядом вокзальный пейзаж: невысокое одноэтажное здание, уходящее в синеву, сплетения рельс, водонапорную башню, маневровый паровозик под белым облаком дыма, семафор, похожий на огромный штатив фотоаппарата...

— Как штатив! — воскликнул Юрка.

Душенов не понял сына, зато Леля рассмеялась:

— Действительно!

— Располнел, Захар, — сказал Душенов шагавшему рядом товарищу. — Не узнать...

— Люди от неприятностей худеют, а у меня наоборот, — нарочито бодрым тоном отозвался Захар, но Душенов все понял и сказал в раздумье:

— Да, неприятности, неприятности... От них никуда не денешься: всюду нашего брата находят. Чем больше начальник, тем больше неприятностей. Таков, брат, неписаный закон, и ничего не поделаешь.

У папиросного ларька, из окна которого выглядывало девичье курносое лицо, стояла машина. Захар распахнул дверцу перед гостями:

— Прошу!

На потертом сиденье разместились с трудом. Юрка уселся на коленях отца, шепнул в ухо:

— «Антилопа-Гну», сейчас развалится...

И смутился, встретясь со смеющимся взглядом дяди Захара.

Машина неожиданно легко, плавно взяла разбег и по-неслась, мягко притормаживая на перекрестках.

Захар повез семью Душеновых к себе. Константин Иванович хотел было отказаться, удобней было бы в гостинице, но не решился. Чувство какой-то тяжелой вины перед товарищем не оставляло его.

Леля коротко взглянула на мужа, и стало ясно, что она тоже считает: упоминать о гостинице не следует.

В двухэтажном деревянном доме, где жил командующий, их приняли радушно. Жена Захара, Александра Павловна, или Шурочка, так издавна называли ее Душеновы,— маленькая, худая, с мальчишеской прической, рядом с Лелей казалась рано состарившейся девочкой. Она стояла растерянная, смущенная, будто впервые видела этих людей. Потом взяла Лелю под руку, повела на кухню и угостила свежим, специально для гостей приготовленным, пирогом. Леля похвалила пирог. Шурочка покраснела от удовольствия: кулинария всегда была ее слабым местом. В кухню заглянули Юрка и Сережа — одноклассники Юрке.

— Мам, дай мне пирожка, и мы пойдем,— торопливо сказал Сережа. Схватив по увесистому куску, оба исчезли.

Леля стояла посреди кухни. Шурочка перекладывала с места на место стопку тарелок. Обе женщины чувствовали себя неловко.

— Ты где-нибудь работаешь? — спросила Леля.

Шурочка взглянула на нее и горько усмехнулась:

— Считается, что не работаю. Кручусь на кухне с утра до ночи.

— И это все?

Шурочка вздохнула:

— На работу хозяин меня не пускает. Что будешь делать?

— Можно ведь заниматься общественными делами! Ты знаешь какой у нас на Черноморском флоте женсовет? Всем дело находится: одни шефствуют над кораблями, другие занимаются самодеятельностью, третьи помогают воспитателям в детсадах и школах. А так жить,

ты меня извини, не интересно. Скучно! Я бы не смогла, понимаешь? Засохла бы от тоски.

В бесцветных Шурочкиных глазах и впрямь была тоска.

— На Севере ничего такого нет... Сплетни да пересуды. Вошел Захар.

— Довольно вам куковать, соловья баснями не кормят.— Он взял женщин под руки и повел в столовую.

Посреди комнаты стоял стол, щедро заставленный закусками: рыбой, салатом, икрой. К водке, приготовленной хозяином, Душенов добавил бутылку крымского рислинга, подаренного ему товарищами перед отъездом из Севастополя.

Пили, вспоминали и снова пили. Разговор начинался слегка грустным: «А помнишь?..» Обоим было что вспоминать...

Только к вечеру, когда женщины удалились в другую комнату, захмелевший Захар уронил голову на руки:

— Эх, Костя, Костя! Не думал, что так получится...

Душенов страдальчески смотрел на поседевшую голову друга и молчал.

Захар поднял голову. Глаза у него были пьяные, взгляд расплывался, губы обиженно кривились:

— Проморгал я. Понимаешь? Не проверял, не требовал. А люди, сам знаешь, только волю дай!..— Он так постучал кулаком по столу, что мелко задребезжали бокалы.— Ведь я считал, Костя, что у меня тут сплошь друзья. В глаза заглядывали, каждое слово ловили... А приехала инспекция, начали капать со всех сторон. Кто виноват? Ясно кто! Командующий! Кого под удар? Командующего! Все остальные сухими из воды вышли. Мне одному ответ держать приходится.

Душенов сказал:

— Иначе быть не может. Кому много дано, с того и спрашивается.

— Оно так. Только почему именно я оказался козлом отпущения? Ты мне скажи: почему?

Захар совсем раскис. Казалось, что он вот-вот заплачет. Душенову было неприятно смотреть на захмелевшее багровое лицо друга с отвислыми влажными губами.

— Пойдем-ка спать...

— Пойдем, пойдем, дружище,— проговорил Захар, но с места не двинулся.

Душенов обнял его и повел в соседнюю комнату. На широкой тахте, покрытой ковром, свернувшись в клубочек, спал Юрка. На полу лежала раскрытая книга. Душенов поднял книгу, положил на стол. Шурочка хлопотала у кровати с высокими спинками, с большими металлическими шарами, похожими на светильники.

— Вот тут и ложитесь. Мягко и удобно,— сказала она Душенову.

Он засмеялся:

— Ночное ложе вроде как у Петра Великого.

Когда хозяева ушли, Душенов спросил жену:

— Тебе здесь нравится?

— Я еще не знаю.

— Я тоже не знаю...— Он привлек ее к себе.— Но знаю, что мне всегда будет хорошо, пока ты со мной...

Душенов знал, что Леля сумеет устроить уют в любом уголке, даже в сарае... Сколько раз за свою жизнь они переезжали с места на место, пока не обосновались в Севастополе. И все, к чему прикасались руки жены, сияло уютом и покоем.

Леля уселась перед зеркалом, чем-то белым намазала лицо, ее глаза на этой белой маске сверкали, как огоньки.

— Представь, у них нет ни женсовета,— сказала она,— никакой общественной жизни!

Душенов засмеялся:

— Теперь будет,— он подошел ближе, зарыл пальцы в золотистой копне волос.— Ведь будет, а?

Леля весело согласилась:

— Конечно!

Утром Душенов и Захар отправились в порт. Всю дорогу молчали. Захар прятал глаза. Он сам вел машину, и его короткопалые мохнатые руки цепко держались за руль.

У причалов, рядом с рыбными траулерами и торговцами, стояли боевые корабли. Это они в 1933 году пришли сюда по Беломорско-Балтийскому каналу. Именно этим кораблям предстояло составить ядро будущего флота, стать форпостом обороны на Севере. Вероятно, вот так с тех пор они и стояли в Мурманске, перемешавшись с мелкими рыболовными судами, как шуга с айсбергами. Ничего, по-видимому, не изменилось.

Душенов легко поднялся по трапу и увидел шеренги

моряков. Дежурный по плавбазе вытянулся перед ним, отрапортовал четко и старательно. Душенов прошел вдоль строя. К его встрече, должно быть, давно готовились, все было надраено до блеска. В салоне он в первую очередь обратил внимание на карту, лежавшую на столе рабочего кабинета командующего. Карта была новенькая, без помарок и карандашных пометок. Значит, на нее вряд ли кто смотрел. Это Душенов отметил про себя. Отметил он также, что не видно книг. Кроме лоций и уставов, аккуратно составленных на полке. Даже не видать «Морского сборника», что является спутником каждого моряка.

Душенов ни одного дня не мог прожить без книг. У него дома и в штабе всегда высилась на письменном столе гора книг. И он, улучив свободную минутку, читал. Читал и классику, и специальную военную литературу, и приключения, и научные документальные книги о природе и море. Он давал себе легкие передышки в работе, на полчаса углубляясь в книгу. Вчитывался сразу, моментально, с первой же строчки. Ему не нужно было время, чтобы восстановить в памяти прочитанное, чтобы вжиться в текст. Хорошо помогала натренированная память. Помимо всего, находил время писать статьи для «Морского сборника».

Когда Душенов переезжал с места на место, в чемоданах с собой он вез только самую необходимую утварь и множество разных книг. Поэтому его неприятно поразило отсутствие книг на флагманском корабле, тем более что здесь много молодых людей. А они, как правило, любознательны и жадны до знаний. Хотелось вслух выразить свое удивление, но удержался: жизнь научила не делать поспешных выводов.

Он вышел на палубу. Рядом с ним оказался Захар. Некоторое время они молча оглядывали далеко раскинувшийся порт, лес мачт рыболовных траулеров, угловатые горы деревянной тары на берегу. Воздух был предельно насыщен запахом тары.

— А почему вы так прочно осели здесь? Что с Полярным? — спросил Душенов о главной базе флотилии.

— Строится. Знаешь, как у нас? Сто лет будут строить.

— А прибрать строительство к рукам ты не пробовал?

— Пробовал...— неуверенно сказал Захар и, почуя укор, перешел в наступление.— Вот ты, поди, думаешь: безрукий руководитель! Ничего за два года не сделал. А строители меня во как держат! Не дают Полярного! И судоремонтный завод черт знает какими темпами строят. Что тут будешь делать? На море штормы десять — двенадцать баллов, попробуй выйди вот с таким флотом. Обратно придут одни железки. А ремонтировать где? Где? Я тебя спрашиваю! Пишу, кричу на всех собраниях: дайте судоремонтную базу! А меня только обещаниями кормят: будет завод. А когда он будет черт знает!

Захар отвернулся.

Душенов посмотрел на квадратные плечи друга и миролюбиво сказал:

— Чудак ты, вздумал один гору свернуть. Забыл, что есть обком партии? Если партия возьмется — любое дело можно поднять...— И, помолчав, добавил:— Послушай, Захар, случись война, если у нас не будет хороших баз, если мы не научимся плавать, тогда тонуть будем сами, без помощи противника...

Захар мотнул головой, но ничего не ответил.

К ним подошел невысокий моряк с черными цыганскими глазами в густых ресницах, с широкой золотой нашивкой на рукаве, отрекомендовался:

— Член Военного совета Байрачный.— Он энергично пожал Душенову руку.— С приездом! Как вам, нравится у нас, товарищ командующий?

Он говорил медленно и раздельно, будто после каждого слова ставил точку. Душенов ощущал себя рядом с членом Военного совета Гулливером и немного отодвинулся.

Высокий, большой, он почти всегда возвышался над людьми, стоявшими рядом, и от этого чувствовал себя неловко.

— Нравится,— ответил он.— Воздух свежий, море мятежное — что еще надо нашему брату? — Он окинул взглядом подвижную сухопарую фигуру Байрачного и неожиданно спросил:— Вы спортом занимаетесь?

— Занимаюсь. Правда, несколько своеобразным спортом — играю в шахматы.

— Шахматы — это тоже своего рода спорт,— вежливо заметил Душенов.— Отличная тренировка для ума.

Сам я, к сожалению, не силен, а то бы составил с вами партию.

Байрачному пришлось по душе такое признание.

— Было бы желание. Научим! Ничего мудреного нет... Когда будете принимать дела?

— Через неделю, думаю, не раньше. Надо осмотреться. Что ты скажешь, Захар?

Он с умыслом обратился к Захару по имени, чтобы подчеркнуть близость их отношений.

Байрачный это оценил: еле заметно кивнул, прикрыв глаза густыми черными ресницами.

— Не знаю, дело ваше, хозяйское...

Душенов подумал: «Цыган или не цыган?» Байрачный сразу ему понравился.

Все трое вернулись в салон. Пока сервировали стол к обеду, Байрачный отозвал Захара в сторону и в чем-то убеждал его. Душенов подошел к карте. Его всегда привлекали географические карты. Еще мальчишкой он любил рассматривать синеву морей, тонкие контуры берегов, мысы, островки, бухты, и никто никогда бы не догадался, какие картины встают при этом в его воображении. Сейчас он видел большой кружочек с надписью «Мурманск», потом перевел взгляд на Полярное и подумал: «Закрытая бухта, как будто самой природой создана для подводных лодок». Он все внимательнее вглядывался в голубую полосу Кольского залива. А вот, судя по рисунку, место, пригодное для главной базы будущего флота: открытая глубоководная гавань, удобный рейд. И рядом море. Чего лучше! Он прочел мелкую надпись: Ваенга.

Его позвали к столу. Обычно он был приятным собеседником и умел поддержать разговор, но на этот раз больше молчал. Из головы не выходило странное и вместе с тем притягательное слово: Ваенга.

«ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД ЗАЛОЖЕН»

По земле, как говорят поморы, стлался морок. Пасмурно и мрачно. Скалистые гранитные сопки были скованы льдом, только рыжели их обнаженные вершины, да рыскал над ними сквозной ветер-морянка. Ударит в кипаки¹, возьмет повыше и летит дальше, свистя и завывая, над сопками...

¹ К и п а к и — утесистые, неровные берега.

Над океаном висела плотная стена тумана. Временами в нее врывались стремительные вихри снежных зарядов.

Эскадренный миноносец осторожно шел вдоль берегов Кольского залива. Вскоре и берег утонул в тумане. И впереди, по бортам, за кормой,— не стало видно ни зги.

Ходовой мостик был затянут парусиной, чтобы люди, находившиеся в укрытии, не заledenели. Но мороз забирался под парусину и ложился инеем на рукавицы, воротники, брови людей. Зато парусина не пропускала ветер, и он трепал поверху, бился, свистел, но достать до людей не мог. А людей на мостике было трое: Душенов, командир миноносца, очень высокий, голубоглазый и белобородый Говорков и Юра, который накануне получил в школе пятерку по математике и в виде поощрения получил разрешение участвовать в походе.

Мальчик держал бинокль, всматривался в берег, и трудно было поверить, что он может что-нибудь разглядеть в густом молочном тумане.

Потянувшись к Говоркову, мальчик доверительно сказал:

— Когда кончу школу, буду моряком, как папа... И вы...

Говорков смотрел на сурового, затянутого в кожаный реглан Душенова и думал: какая трогательная дружба между отцом и сыном.

Юра поднял бинокль к глазам и сообщил:

— Вижу Зеленый Мыс! Папа, а это что за огонь там на пригорке?

— Наблюдательный пост СНИСа,— ответил Душенов.— Вышка и прожектор. Мы там были с тобой недели две назад. Забыл?

— А-а-а... макароны по-флотски,— засмеялся Юра и опустил бинокль.

— Точно, были там макароны по-флотски.— Бегло взглянув на Говоркова, Душенов спрятал улыбку.

— Здорово вкусные макароны, папа...

От разговора о макаронах у Говоркова засосало под ложечкой. И не потому, что на него пахло вкусным запахом флотского камбуза. Он вспомнил, как месяц назад вместе с Душеновым тоже ел макароны по-флотски.

...Тогда был шторм и сильная качка. Корабль клало на борт так, что не хватало сил удержаться на ногах. Волна накрывала полубак и оттуда с ревом неслась по

палубе чуть не до самого ходового мостика. Говорков так же, как и сейчас, стоял на мостике рядом с Душениным. Часа через три командующий посмотрел на свои ручные часы, ярко светившиеся в темноте, и сказал:

— Не плохо бы похарчиться.

«Закусывать в такой обстановке?» — подумал Говорков и решил, что командующий рисуется. Хочет показать, будто шторм ему нипочем...

Он вызвал вестового и приказал принести еду прямо сюда, на мостик. Им подали второе, и Говорков исподтишка наблюдал, как плотно и крепко держался командующий на ногах и спокойно уничтожал макароны по-флотски. Нет, кажется, Душенин не рисовался. Его действительно качка не берет.

И вдруг — толчок, удар, скрежет... Тарелки вылетели из рук Душенина и Говоркова и белыми дисками завертелись под ногами. Корабль ложился на левый борт. Беда!

Они метнулись с Душениным и одновременно оказались на палубе.

«Неужели напоролись на камни?!» — с ужасом подумал Говорков. На трапе образовалась давка, на палубе — суeta. Душенин гаркнул так, что у Говоркова, стоящего рядом, заложило уши:

— По местам стоять! Слушать команду!

Миноносец, будто выполняя приказ, начал выравниваться, набирать ход и вот уже как ни в чем не бывало шел прежним курсом.

Душенин и Говорков облазили весь корабль, но так и не смогли определить причину толчка.

Таинственное происшествие. Говорков терялся в догадках. В прошлые годы в штормовую погоду плавать не приходилось, и теперь он с досадой думал о том, какой черт принес Душенина в эту дьявольскую ночь именно на его корабль?! Теперь можно ожидать чего угодно...

Кто-то пошутил:

— Может, ведьмы озоруют?

Командующий мрачно усмехнулся.

Подошли к якорной стоянке. Было приказание:

— Снять штормовое крепление!

Матросы из боцманской команды бросились к лебедке, оглянулись, посмотрели сначала на Душенина, потом на Говоркова и замерли в растерянности. Вид у них был преглупый.

Перед Душеновым и Говорковым предстал усатый боцман.

— Разрешите доложить. Штормовое крепление вместе с якорем сорвало за борт.

Говоркова так и подмывало пустить крепкое словцо, и если бы не командующий... Но Душенов, к удивлению, даже не повысил голоса.

— Эх вы, моряки! Чтобы потерять якорь?..

Сказал и повернулся к трапу.

Потом, на разборе похода, Говорков оправдывался:

— Якорь был втянут в клюз... По всем правилам...

Душенов с досадой перебил:

— Брюки вы тоже на ягодицы натягиваете по всем правилам, однако, не подпоясавшись ремнем, на улицу не выходите.

Вернувшись на корабль, Говорков устроил боцманской команде «жаркую баню». И хотя на миноносце несколько дней проверялись все крепления, корабль мыли и драили, как бляшку на поясе, а команда ходила по струнке, Говорков долго не мог успокоиться...

С тех пор прошло много месяцев, а воспоминание о том, как стоял он перед командующим бесштанной мальчишкой, не забывалось. А сам Душенов, казалось, забыл. Ни разу не напомнил. К Говоркову относился ровно, благожелательно и этим еще больше вводил командира эсминца в заблуждение. Теперь выяснилось: не забыл. И стало ясно: этот долго помнит...

Душенов поднял меховой воротник, сунул рукавицы за борт кожанки и потер замерзшие руки. Говорков управлял кораблем и вместе с тем следил за каждым движением Душенова, думая о том, что это счастье служить под началом такого спокойного и требовательно-справедливого командующего и общаться с ним не в кабинете, а в самой гуще жизни — в море, на корабле, где выявляются истинные качества моряка...

— Ну-ка, Юрий, дай бинокль,— сказал Душенов сыну.

Сквозь линзы он увидел неровный скалистый рельеф пустынного и безлюдного берега. Давно ли флотилия ютилась у мурманских причалов, под крылом рыбаков и торгового флота, а вот — оторвались же, вышли в Полярное, навстречу морю. А ему, Душенову, уже тесно. Чувствует, что одного Полярного мало для растущего флота. Нужна

открытая глубоководная гавань. Ваенга! Лучше не найдешь. А Полярное останется за подводными лодками.

Он шел в Ваенгу, чтобы увидеть ее не карандашным наброском на карте, а живой землей со своим пульсом и дыханием.

Больше всего Душенов любил такие поездки. Не парады, хотя он их тоже признавал, не учения, хотя без них не обходилось, а вот эти поездки в новые, неосвоенные места, первую встречу с природой, которую предстоит заставить служить Родине. И корабли он любил особенно за то, что они помогали покорять стихию.

Нелегкая доля командующего: почти круглые сутки в неукротимом потоке дел и забот. Они начинались почти с рассвета и не кончались даже во сне. Ночью, вернувшись домой, сидя с Лелей за ужином, расспрашивал о Юрке. Потом вдруг о чем-то вспоминал, отодвигал тарелку в сторону, брался за телефонную трубку и кому-то звонил, что-то узнавал, давал какие-то поручения... Но в нем жил и романтик. Он просыпался в Душенове чаще всего тогда, когда он сталкивался с природой.

И сейчас, глядя в бинокль на таинственную Ваенгу, он мечтал о том, как встанет на лыжи и обойдет весь этот район. И, как всегда, будет чувствовать себя первооткрывателем. Он сунул бинокль Юрке в руки и нахлобучил ему на лоб шапку, засмеялся.

Катер доставил их к берегу и долго маневрировал в поисках места, куда можно причалить. Никакого пирса, понятно, здесь не могло быть, и даже хрупкие мостки при очередном отливе снесло бы в воду. Пристали к гранитным валунам.

Прыжок — и Душенов, чуть покачнувшись, встал на камень. Протянул Юрке руку, и сын прыгнул следом.

Юрка, с покачивающимся на животе биноклем, оглядывался по сторонам.

— Папа, здесь ничего же нет, — разочарованно протянул он, — избушки на курьих ножках...

— Дикое место. Но здесь мы построим город.

— Так это еще когда будет?

— Закроешь глаза, потом откроешь и увидишь дома, школы, спортивный стадион...

Юра недоверчиво глянул на отца:

— Таких чудес, папка, не бывает...

Душенов тронул сына за плечо:

— Ты прав, не бывает. Лет шесть — восемь уйдет. А что такое восемь лет в истории народов, насчитывающих тысячелетия? Один миг! Понимаешь? Идем!

Они осматривали Ваенгу. Это был даже не поселок: несколько скученных у берега избушек. В ближайшем домике — огонь. Зашли, стряхнули шапки в сених и, стуча сапогами, прошли в комнату. Навстречу им вырвалось приятное тепло. Посреди комнаты топилась буржуйка, и дым гудел в комнатной трубе.

Из-за стола поднялись двое в свитерах и оленьих пи-мах, и сразу в комнате стало тесно. Один, с впалыми щеками, поросшими колючками, сосал мундштук и, не вынимая его изо рта, представился:

— Архитектор Борисоглебский.

Второй, с глубокой ямкой на подбородке, вытянулся, козырнул и застенчиво улыбнулся.

Душенов обоим подал руки, немного обогрелся возле печурки и предложил:

— Не хотите пройтись?

Архитектор пожевал мундштук:

— Можно. Не боитесь завязнуть?

Душенов усмехнулся:

— На лыжах-то?

— Вы не шутите? — оживился архитектор. — Тогда пошли!

— Сергей Степанович, — обратился Душенов к Говоркову, — вы останетесь здесь. И ты, Юра...

Говорков обрадовался: на лыжах он ходил плохо, и плестись в хвосте не хотелось. Юра надулся. Как папа не хочет понять, что ему надо все увидеть своими глазами!

— Папа, — горько сказал он. — Папа!.. Ты...

И не договорил. Суровый взгляд отца остановил его: не уступит. Юра знал этот взгляд. Папины глаза сразу вдруг становились холодными, чужими. Мама это объясняла так: «Папа хозяин своему слову. Прежде чем произнести это слово, он обдумает его».

Юра сидел опустив голову. Говорков сочувственно спросил:

— Худо, брат? Ничего, переживем! Выше нос! Хочешь с ними? Рано еще. У тебя все впереди. Находишься и на кораблях, и на лыжах... Тебе отец не рассказывал, какой случай был прошлой зимой вот в этих самых местах?

— Не-ет...

— Пошел на лыжах краснофлотец хворост собирать на растопку. Ходил-бродил несколько часов, ни одного сучка не мог найти. Ушел далеко, а тут снегопад начался. Ну, он и заблудился, обессилел, вырыл окопчик в снегу и заснул.

— А потом? — нетерпеливо спросил Юра.

— К вечеру хватились — нет человека. Послали лыжников на розыск. Нашли полуживым, в госпиталь отправили. Вот, брат, что такое Север. Не надо на отца сердиться. У него знаешь сколько дел? А ты живи, брат, и пока присматривайся, пригодится.

— Значит, папка с архитектором тоже могут заблудиться?

— Не заблудятся, у них с собой компас.

Юра осторожно спросил:

— А вы читали книгу «Приключения капитана Гаттераса»?

— Как же не читать? Читал.

— Это взаправду было или так просто, выдумка?

— Жюль Верн изучал дневники полярных путешественников. Стало быть, правда!

— Во здорово! — воскликнул Юра. — Расскажите еще что-нибудь, Сергей Степанович. Про моряков, пожалуйста.

Говорков подсел к печке на корточках. Железным прутом шевельнул дрова — и они вспыхнули ярко, как бумага.

Юра с нетерпением смотрел на покрасневшее белобровое лицо Сергея Степановича и вдруг сказал:

— А хорошо, что мы не пошли, правда?

— Конечно! Я рад, что ты это понял. Слушай, Юра, недавно был такой случай...

А в это время Душенов встал на лыжи, распрямил свои широкие плечи, полной грудью, до боли, втянул в себя морозный воздух. На лыжне он переставал стесняться своего роста, широкого шага, стремительности движений, которые в обычное время сдерживал. Здесь он не испытывал никакой неловкости от того, что скроен природой со щедрым расходом материалов: высок не в меру, широкоплеч и громоздок. Он всегда, всюду чувствовал себя неудобно, все вещи рядом с ним казались хрупкими и невыносимо мелкими. И он боялся или что-то поломать, или уронить. Здесь же он шел легко, чуть наклонившись

вперед, с силой отталкиваясь палками. Ничто не стесняло его движений, он ощущал себя летящим по воздуху.

Еще в Севастополе, собираясь в дорогу, они с Лелей заказали лыжные костюмы, шапочки и рукавицы. Лыжи купили в Москве. Леля совсем не умела ходить в первые дни. Сейчас, хотя падать перестала, держится молодцом, хоть ноги все еще часто разъезжаются. Душенов смеялся от души, Леля сердилась:

— погоди, еще месяца два — и ты меня не догонишь!

«Приедем сюда вместе,— решил Душенов.— Она будет рада».

Он долго катился, согнув ноги в коленях, потом бежал, быстро перебирая палками. Давно он не испытывал такого наслаждения и душевного покоя.

Архитектор, судя по всему, тоже знал, что такое лыжи, но с трудом поспевал за командующим, любуясь его статной фигурой в обычных флотских брюках, заправленных в носки, плотном темно-синем свитере с белой полосой на груди и в синей вязаной шапочке.

Душенов останавливался, опираясь на палки, и терпеливо ждал спутника. Лицо у него покраснелось, из открытого рта струились белые клубы. Вокруг суровая, изрытая сопками земля, прикрытая снегом.

Ловко сделав поворот, подъехал архитектор. Он махнул рукой в сторону далекого горизонта:

— Не знаю, как вы полагаете здесь развернуть город? Ведь рельеф-то, рельеф, взгляните!

— Сопки?

— Вот именно, сопки.

— А мы их сроем!

— То есть?..

— Снесем. Подложим динамит — и, пожалуйста, ровная площадка для постройки города. Устраивает?

— Вы, по-видимому, не представляете, сколько это будет стоить? Сколько тола, рабочей силы, грузовиков потребуется для такого дела?

— Верно, не знаю. А вы уже подсчитали?

— Нет еще, но можно прикинуть. Имейте в виду, эта затея дорогая!

— Нет, не слишком дорогая.— Душенов уверенно потряхнул головой.— Вы понимаете, что значит флот для укрепления обороны здесь, на Севере? Деньги многое решают в нашей жизни, но не все.

Архитектор рукавицей вытер лоб:

— М-да... Но площадка — это еще не самая большая трудность. Вы не представляете, какие проблемы встанут при решении города на таком вот месте. Возьмем, к примеру, проблему воды.

— Проблемы, проблемы... Так ведь это хорошо, что встанут проблемы! И чем их больше, тем лучше. Разве плохо браться за то, что оказывает сопротивление? Материал сопротивляется, а вы подчините его себе. С какими только проблемами я не сталкивался в жизни! И не раз убеждался, что нет проблемы, которую нельзя было бы решить.

Архитектор согласно кивнул:

— Если того требует необходимость, если на всем побережье нет места лучшего, чем Ваенга...

— Нет,— заверил Душенов.— Будь другие места, я бы вас сюда не позвал.

— Значит, вопрос решен?

— В принципе, да. На днях поеду в Москву докладывать наркому обороны.

— Тогда давайте говорить конкретно...

...Они возвратились через несколько часов. Белые колючки смешно торчали на красном лице архитектора. Душенов был в приподнятом настроении, сел рядом с сыном, обнял его, спросил:

— Я потом тебе все расскажу, сын. Подробно. А сейчас угостишь нас чаем? Да погорячее...

Юра кинулся к свистевшему на буржуйке ясно-голубому чайнику. Он уже забыл про обиду. Сергей Степанович рассказал ему столько интересных историй, куда там до них капитану Гаттерасу! Теперь скорее бы домой, надо написать друзьям в Севастополь. То-то они будут довольны!

За чаем Душенов сказал Говоркову:

— Вы знаете, Сергей Степанович, место для строительства главной базы что надо. Вот послушайте...

Они проговорили до полуночи...

...Уходили под утро. Юру еле растолкали. Он проснулся окончательно, когда вышли из дома и в лицо ударил крепкий морской ветер.

На берегу Душенов оглянулся еще раз. Опять спустился густой туман и скрыл сопки.

«Ничего, скоро рассеется». Душенов посмотрел вперед.

Черная волна билась о камни, белая бахрома пены вздымалась как флаг капитуляции.

Именно здесь лежала будущая главная база Северного флота — нынешний город Североморск.

ПОСЛЕ ИСПАНИИ

Буксирный пароход, совершавший рейс между Мурманском и Полярным, пыхтя и натуживаясь, вошел в Екатерининскую гавань. Среди пассажиров на палубе стоял моряк, казалось захваченный всем, что открылось его взору. Нескончаемо длинной цепью тянулись заснеженные сопки. Двухэтажные деревянные домики, вроде птичьих гнезд, лепились на скалах. Ровные улочки спускались вниз к гавани. И над всем этим распростерлась густая синева неба.

Капитану третьего ранга Быстрову все еще виделся другой пейзаж: золотистые плоды в вечнозеленых купах апельсиновых деревьев, пальмы, кипарисы. И, как само палящее солнце, огненно-темпераментные испанцы, совсем теряющие рассудок во время корриды, когда на арену под ноги грациозному всаднику, гордо восседающему на красивом коне, летят шляпы, береты, перчатки...

«Мы связаны одной судьбой. Они в бою сегодня. Мы завтра,— думал он.— Могло и не быть «завтра», если бы все честные люди мира выступили против фашизма. Увы, этого нет...»

Пароход швартовался у ветхого причала. Два хриплых гудка разорвали тишину. Заскрипел деревянный трап. Быстров сошел на причал и осведомился у проходившего мимо моряка: «Где штаб флота?»

Моряк показал рукой на двухэтажный серый домик, возвышавшийся на скале, напротив причала. Командующего флотом в штабе не оказалось. Быстрова устроили в командирском общежитии, рекомендовали отдохнуть, познакомиться с Полярным. Он устал, лег на койку, по привычке натянул на голову одеяло и заснул.

...Было утро, когда постучали в дверь.

— Войдите,— спросонья отозвался Быстров.

В щель приоткрытой двери показалась бритая голова.

— Вы Быстров?

— Да, я.

— Быстро к телефону!

Дверь захлопнулась.

Звонили из отдела кадров: через сорок минут приказано быть в приемной командующего.

Не будем скрывать, Быстрову хотелось произвести должное впечатление. Парадная тужурка есть. Есть и белая рубашка с твердым воротничком и манжетами, и орден на груди. Все-таки Красного Знамени! Только в гражданскую войну люди получали такие награды. И то в редких случаях.

Он торопливо оделся. Правда, парадная тужурка не совсем ладно облегалa плечи, а рубашка слишком бросалась в глаза кипенной белизной. Еще спросят, где купил. Скажешь, в Париже, не поверят. Начнут допытываться, как туда попал, зачем ездил?.. Ах, воевал в Испании? И пойдет ненужный звон... Снял заграничную рубашку, засунул ее поглубже в чемодан и облачился в простенькую, форменную, привычную.

Не успел он подняться по широким ступеням и войти в приемную — его сразу же пригласили в кабинет, уставленный старинной мебелью. Командующий — огромный, широкий в плечах, настоящий русский богатырь — встал из-за стола и протянул руку. Золотые позументы флагмана флота первого ранга на рукавах кителя, казалось, дополняли его внушительный облик.

За сравнительно короткую по времени, но зато полную событий жизнь у Быстрова было немало встреч с крупным начальством, и всегда приходилось волноваться: а поймут ли тебя?

Вот и сейчас живые острые глаза цепко впились в Быстрова, и с этой минуты он безраздельно находился в их власти.

Получив приглашение сесть, он утонул в мягком кресле, стоявшем возле стола. «Удобно», — подумал и как будто начал успокаиваться. Теперь он видел лишь полное лицо, высокий лоб, две резкие черточки на переносице и сильные челюсти, сжимавшие мундштук трубки с изображением львиной головы.

Душенов вынул из ящика стола папиросы и протянул:

— Вы курите? Прошу. Москвичи в подарок прислали, а я трубку люблю, к табаку привык.

Быстров взял папиросу, закурил, но чувствовал себя по-прежнему не твердо.

— Значит, в Испании побывали?

— Так точно!

— Ну что там? Читаешь в газетах, вроде крепко дерутся, а вместе с тем республиканцы сдают один город за другим. Чем же это объяснить?

— Положение там сложное... Америка, Англия и Франция наложили эмбарго на ввоз оружия. А без оружия что без рук...

— Да-а-а...— Командующий покачал головой.— Мы от них слишком далеко, к тому же единственный путь сообщения морем. Должно быть, не успеваем обеспечивать.

— В том-то и беда,— подтвердил Быстров и начал рассказывать, как день ото дня все труднее прорываться в Испанию нашим транспортам с оружием.

Флагман откинулся на спинку кресла и не спускал с Быстрова своих умных, изучающих глаз. Неожиданно он резко встал и прошелся к двери.

— Мне кажется, дело не только в растянутости коммуникаций. На мой взгляд, там нет единства — главного условия для победы. Кое-кто сознательно закрывает глаза на то, что фашизм встает на ноги. Если его не уничтожить сегодня, завтра он принесет миру неисчислимые бедствия.

— Это тоже справедливо,— подтвердил Быстров.— Республиканскому правительству не хватает решимости очистить армию от демагогов и предателей.

Отвлекаясь от общего положения, командующий расспрашивал о морских операциях, его интересовало, как республиканский флот совершал прорыв на соединение со своими главными силами? Почему так быстро сдали Малагу? При каких обстоятельствах был потоплен мятежный крейсер «Балеарис»?

Эти события Быстрову были хорошо известны, а во время атаки на фашистский крейсер он находился на борту атаковавшего миноносца.

— Испания только прелюдия. Я убежден, в ближайшем будущем придется и нам иметь дело с немецкими фашистами. Называют другого потенциального противника, а мне кажется,— они,— жестко произнес командующий.— И только они! Их доктрина известна — план генерала Гофмана, война с нами, захват Москвы, Ленинграда, удары на север и на юг.

Быстров согласился:

— Пленные в Испании так и говорили: покончим здесь, а потом на восток.

Флагман поднялся, глянул в окно, о чем-то задумался; вернувшись, сел в кресло и медленно произнес:

— Не кажется ли вам, товарищ Быстров, что мы можем кое-что взять из испанского опыта?

— Очень многое. Взаимодействие флота с авиацией, оперативные готовности...

— Вам надо хорошенько об этом подумать и дать свои соображения.

Взяв в руки личное дело Быстрова, лежавшее на столе, флагман перелистывал страницу за страницей, вдруг остановился и поднял глаза на Быстрова:

— Хотели бы остаться в штабе флота или на корабль?

— Конечно, на корабль!

— Такое решение мне нравится. Определенно нравится! — с удовольствием повторил флагман и тут же сник, задумался, рассуждал как бы про себя: — Правда, должность командира корабля пока предложить не могу, а старпомом вас поставить вроде неудобно.

Он смотрел на Быстрова вопросительно.

— Почему неудобно?! Очень даже удобно... Послужу и старпомом. Дальше будет видно.

— В таком случае быть посему! — Флагман поднялся и очень уважительно пожал ему руку...

— На кораблях всегда интереснее, чем в штабе... Тем более сейчас... У стенки не стоим. Плаваем. Не зря флотом стали называться. Северным флотом! — весомо подчеркнул он, подвел Быстрова к карте, занимавшей почти всю стену, провел ладонью по синеве от Мурманска к Карскому морю, Новой Земле и дальше, к самому Северному полюсу. — Вот каков наш морской театр. Видите? Глазами не охватишь. А уж условия... Только у нас и омаряться. Северный театр особый. В случае войны горячо придется. Правда, покамест мы бедны. Да, да, бедны, — повторил он. — Мало кораблей. Особенно подводных лодок. Морская авиация в зародыше. Надо строить и строить. Программа намечена большая. Не знаю, успеем ли?

Слушая увлеченный рассказ командующего, можно было понять, что жизнь флота — это его жизнь...

— Служить вам на эсминце, — продолжал он. — Командир там капитан второго ранга Говорков, отличный

человек. Со старшим помощником ему не повезло. Грубиян, матерщинник попался. Такому нельзя доверять воспитание. Готовить флот к войне — прежде всего готовить людей. Они должны понимать нас без окриков и понуканий. Старпом, сами знаете, главный двигатель корабельной службы. Значит, пока вы старший помощник командира, а дальше посмотрим. Флот у нас молодой, народ дружный. Люди с боевым опытом нужны.

Он глубоко затаился и не спеша выпустил клубы дыма.

В кабинет бесшумно вошел адъютант и доложил:

— К вам инспектор из Москвы.

— Просите.

И он снова протянул руку Быстрову, давая понять, что визит окончен.

— Так вам ясно, — служить на эсминце старшим помощником командира. А дальше посмотрим...

Быстров вышел из кабинета в добром настроении. Спускаясь по ступеням гранитной лестницы, он слушал глухое эхо своих шагов. Яркое светило солнце. Безбрежная синева неба и длинные гряды невысоких сопот отражались в зеркале вод Екатерининской гавани. Не верилось, что это и есть Заполярье. Картина, открывавшаяся его взору, напоминала горное озеро где-то в швейцарских Альпах...

ДОВЕРИЕ

Холодное полярное солнце заглянуло в окна домика командующего. Жена Душенова долго лежала неподвижно, нежась под косыми лучами, потом откинула одеяло, просунула ноги в теплые комнатные туфли и проскользнула в столовую. На диване, раскинувшись, безмятежно спал Юрка. Она задержалась, прислушиваясь к его дыханию, укрыла длинные мальчишеские ноги. Взгляд ее скользнул по фотографиям, висевшим над диваном. Совсем еще молодой Костя стоит во весь рост в матросской форме, опоясанный пулеметными лентами. Таким она увидела своего будущего мужа в Петрограде в глухую октябрьскую ночь 1917 года, когда он был избран секретарем судового комитета «Авроры». Ее отец — рабочий Балтийского завода, вместе с матросским патрулем обходил улицы Васильевского острова. Леля принесла ему в комен-

датуру хлеба и печеной картошки. Робко поставив корзину на стол, собиралась уходить. Но длинный белокурый матрос удержал ее за руку: «Погоди, не торопись, поешь вместе с нами».

Леля поспешила снять платок, чтобы отец не отослал ее домой, и села к столу. Две толстые светло-русые косы упали на спину. Душенов восхищенно охнул. После отец посмеивался над ней: «Ты неспроста сняла платок, решила задурить голову матросу». И правда, в тот раз он не столько был занят едой, сколько рассматривал девушку. Так они и познакомились. Костя зачастил в деревянный домик на Гаванской улице.

С тех пор они неразлучны. Вместе скитались по Южному фронту, жили в Баку, Севастополе, Одессе и наконец вернулись в Ленинград. Но, увы, ненадолго — пока Костя учился в Военно-морской академии. И снова в путь-дорогу, по флотам, по далеким необжитым районам, везде, где только создавались новые военно-морские базы. Работали на субботниках, мерзли в нетопленных домах, болели цингой. Все было, через все прошли...

Как бы поздно ни возвращался Душенов, Леля не спит, ждет, греет чай. Стоит ей только взглянуть в глаза мужу — она уже знает, как он прожил день и что у него на душе.

Сегодня ей хотелось создать в доме обстановку небольшой торжественности. Она испекла пироги и, плотно укрыв их, включила радио. Дом наполнился звуками песен. Это не было в диковинку, каждый революционный праздник — а их не мало в году — в Полярном не переставая звучала музыка и песни. Правда, праздников, как этот, еще не бывало во всей стране, и особенно в семье Душеновых. Шутка ли сказать: первые выборы в Верховный Совет СССР! И отец семейства выдвинут в депутаты!

Присев на кровать, Леля потрепала густую шевелюру мужа:

— Вставай, товарищ кандидат. Люди там голосуют, а он спит, сурок.

Душенов открыл глаза, недовольно поморщился: лицо его было бледным, глаза смотрели болезненно.

Леля встревожилась:

— Что с тобой, Костя?

— Плохо спалось — только и всего. — Душенов погладил руку жены, и она успокоилась.

— Ну еще бы, такой день...

Если бы знала она, что причиной его возбужденного состояния был вовсе не этот день, такой счастливый в его жизни. Душенов редко посвящал жену в свои служебные дела. Слишком мало времени оставалось у них на семейные разговоры. В Москве, в Наркомате обороны, работали до двух-трех ночи, вот и здесь, на Севере, приходилось сидеть у телефона, ожидая звонков от начальства. К утру, усталый, он возвращался домой, а в девять утра надо было спешить обратно в штаб флота, на корабли, на строительство...

Не расскажешь жене, как вчера на Военном совете обсуждали план боевой подготовки. И опять всплыл вопрос о подводном флоте. Душенов ведет непрерывную войну с московским начальством, чтобы с Балтики перенесли на Север пару бригад подводных лодок. Там закрытый морской театр, а здесь океанские просторы. С подводным флотом мы станем во много раз сильнее...

— Господи, Костя, помнишь, мать рассказывала, как ты стекло в школе разбил из рогатки? Если бы кто-нибудь наперед знал, что это отличился будущий депутат Верховного Совета! — восторженно проговорила Леля.

Душенов кивнул, думая совсем о другом: «Придется еще раз обратиться к наркому обороны. Не выйдет — буду писать в ЦК».

— Ну, посмотри на меня. Почему ты такой серьезный? Тебя не может страшить ответственность. Ты всегда жил для людей.

Душенов отбросил одеяло, хотел встать, но Леля повелительно сказала:

— Ни с места! Ты у нас сегодня именинник!

Она выбежала на кухню и вернулась в каком-то невообразимо пестром фартучке и такой же косынке с торчавшими кончиками, пододвинула к кровати стол, сдержнула салфетку, закрывавшую пахучую гору сластей, и игриво поклонилась:

— Прошу отведать!

На столе были великолепные пироги: и круглые, и продолговатые, и какие-то замысловатые крендели, и жаворонки специально для Юрки.

Леля, довольная похвалой мужа, оживленно объяснила:

— С капустой — по Шурочкиному рецепту, а с рисом

и треской — по собственному. Съешь этот... слоеный, пальчики оближешь.

Он ел с аппетитом.

— Дух захватывает... Откуда ты добыла столько пряностей?

— Мама из Питера прислала. Там всего вдоволь.

— Потерпи немного, и у нас все будет. Нам ведь еще пяти годков нет, самое детство...

Юрка, подтягивая сползающие пижамные штаны, шумно влетел в комнату:

— Пировать без меня? Чего ж не разбудили? Где мои жаворонки?

Душенов захохотал:

— Смотри, пуговицы не проглоти, сынок. Мама вместо глаз вклеила в тесто пуговицы.

Юра насторожился:

— Мама, он про пуговицы правду сказал?

— Нет, он шутит, сынок. Не пуговицы, а изюминки.

Все трое с аппетитом поедали пироги, смеялись и решили, что такого веселого завтрака у них давно не было.

Из соседней комнаты донесся приподнято-выразительный голос диктора: «Слушайте радиокomпозицию: «Человек — это звучит гордо!»

Душенов посмотрел на Юру.

— Ты знаешь, чьи это слова? — И, видя, что Юра молчит, добавил: — Горького Алексея Максимовича, — так просто, как будто говорил о своем старом знакомом.

— Ты, папка, с ним виделся?

Душенов концом полотенца вытер сыну щеку, вымазанную вареньем.

— Да, в Италии. Был у него в гостях на острове Капри.

Мать, готовясь разливать кофе, сказала Юре:

— Папа прислал тогда красивую открытку — зеленый островок, и на нем крестиком отмечено: домик Алексея Максимовича.

— Забыл, — сознался Юрка, нетерпеливо ерзая на стуле. — Папка, какой он был, Горький, а?

— Такой, как все люди. Высокий-высокий, худой, с длинными усами, в соломенной шляпе. Голос у него громкий, говорил окая... — с ударением на «о» произнес Душенов.

Юра притих, даже забыл о жаворонках.

— Что вы с ним делали?

— Обедали, гуляли. Вспоминали нашу страну. Потом приехал сын, отчаянный спортсмен, автомобилист. Горький купил ему старую гоночную машину. И, понимаешь, я уже собираюсь уходить, Алексей Максимович берет за руку сына и подводит ко мне: «Он вас прокатит по Италии! Получите большое удовольствие». Я говорю: «Спасибо, Алексей Максимович, только у меня нет времени. Я ведь приехал принимать корабли». А он свое: «На такую поездку несколько дней хватит. Может, никогда не придется тут побывать. Поезжайте. Очень советую, поезжайте».

Юра торопил:

— Ну и что?

— Поехали. Действительно, увидели много интересного, зато страхов я натерпелся... Мой сумасшедший водитель жал на все педали, неся как угорелый. Мне все время казалось, вот-вот наша «антилопа» на ходу развалится...

Душенов посмотрел на часы.

— Пора голосовать, мои дорогие!

И начал одеваться.

Леля вдруг всхлипнула. Юрка рассмеялся. Отец остался серьезным.

— Ну что ты, дружок, не надо,— мягко сказал он, будто был в чем-то виноват.

— Я не потому. Просто вспомнила нашу жизнь, радостно стало...

— Подожди плакать, может, еще не выберут.

Юрка возмутился:

— Это тебя-то не выберут! Быстро собирайтесь — и пошли!

Они направлялись в Дом флота, издали сверкавший разноцветными огнями иллюминации. Душенов держал жену под руку и едва успевал отвечать на приветствия моряков, которых сегодня больше, чем когда-либо, встречал на улицах Полярного.

Юрка останавливался со знакомыми мальчишками и потом догонял родителей. У самого входа в Дом флота он схватил отца за руку и потянул в сторону. Неожиданно для себя Душенов чуть ли не лицом к лицу столкнулся с Быстровым. Короткое замешательство — и Душенов, протянув руку, с улыбкой сказал:

— Я слышал, насчет испанского опыта начинаете?

— Так точно!

— Добро! Действуйте! Я поддержу.— И взял сына за плечо: — Идем, Юра.

Юрке явно не хотелось расставаться с Быстровым, но решительный тон отца заставил подчиниться, и он, удаляясь, на ходу крикнул:

— Дядя Миша! Можно я к вам на корабль приду?

Быстров кивнул, провожая взглядом их, пока они не скрылись в подъезде Дома флота.

ИСПЫТАНИЕ

С недавних пор в жизни главной базы флота появились новые, характерные приметы: военнотружущие, гражданские и даже дети шагали по улицам с зелеными сумками противогазов. В разное время суток над городом и рейдом тревожно завывали сирены, их подхватывали протяжные гудки буксиров, люди спешили укрыться в убежище. А в это время клубы желтого дыма заволакивали дома, неуклюжие фигуры в противогасах и желтых противогризных костюмах толкали зеленые тележки с вращающимися барабанами, и хлорка тонким слоем ложилась на землю... Человек, невзначай застигнутый в очаге поражения, укладывался на носилки, санитары доставляли его в ближайший пункт первой помощи и там его старательно «обрабатывали». Случалось и так, что, уловив момент, условно пострадавший срывался с носилок и — поминай как звали...

Это были тренировки команд МПВО, продолжавшиеся день за днем целую неделю. И кое-кто предвещал: не миновать войны! Тем более из радиорупоров непрерывно неслись песни: «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов...»

На самом деле никто о войне не помышлял. Просто начинались учения Северного флота, и главная база приводилась в полную боевую готовность.

У пирса стоял эскадренный миноносец, вытянувшийся, устремленный вперед, ощерившийся орудиями главного калибра, очень ясно осязаемый от железного зева торпедных аппаратов до самого клотика. Из труб выбивались тонкие струйки пара и едва заметный дымок. После швартовки в Полярном Быстров стоял на мостике в кожаном

регланы и чесанках, поглядывая на флагманский командный пункт, надеясь, что оттуда передадут семафором приказание следовать дальше, в исходную точку учений, которая куда неизвестна.

Он смотрел на знакомые домики, амфитеатром спускавшиеся вниз к бухте, и подумал, что в одном из них живет его новая знакомая библиотекарша Аня. В каком именно, он не знал и потому пробегал глазами все домики подряд...

Быстров никак не мог привыкнуть к своему новому положению: Говоркова перевели в штаб флота, а он один в двух лицах. Правда, это явление временное. И должно же было оно произойти в канун учений...

Комиссар корабля Чернышев, стоявший рядом с ним, пощипывал свои черные усики и говорил:

— Если задержимся на пару часов, я сбегая в политуправление. Может, товарищ Клипп из Москвы приехал и привез пропагандистские материалы.

— Узнай там заодно, кого нам пророчат в командиры,— сказал Быстров, посмотрев на этого маленького человека, поеживавшегося в своей старенькой шинели на рыбьем меху. Быстров не искал дружбы с ним, но обстоятельства их сблизили. Именно в эти дни потрясений они оказались рядом, плечо к плечу, как солдаты на поле боя. А может быть, и в самом деле был бой, когда проверяются истинные качества человека и ясно, кто идет на врага с открытыми глазами, а кто при первых выстрелах готов подставить под удар своих товарищей...

* * *

Старшина сигнальщиков стоял вахту на верхнем мостике. Он был в теплом прорезиненном пальто на меху, толстые губы, большой красный нос и зеленые кошачьи глаза выглядывали из-под капюшона. Давно ли он пришел на корабль совсем молокососом, с худых плеч, как плети, свисали беспомощные руки, не приученные ни к какому делу. Он чуждался общения, забирался куда-нибудь и часами сидел с книжкой в руках. Читая, он многого не понимал, стеснялся спросить товарищей. Теперь парень акклиматизировался во флотской среде, подрос, окреп, изучил специальность, и застенчивости как не бывало. Вместе с краснофлотцами участвовал в тради-

ционной морской травле у обреза с окурками. Слушал других и сам мог рассказать кое-что забавное. Правда, это было не им придумано. В книгах вычитал, а передавал друзьям жестами, мимикой, не хуже других.

И сейчас, стоя на мостике, глядя на неуклюжую фигуру Быстрова в чесанках с галошами и в толстом реглане, на казавшегося рядом карликом, в старой шинелишке, Чернышева, он подумал: а как же они будут на учениях без командира корабля? Впрочем...

Его размышления прервались в тот самый момент, когда на противоположном конце пирса появилась группа людей. Вскинув бинокль и приглядевшись, он заметил высокую статную фигуру командующего флотом и с ним большую свиту командиров. Доложил на мостик, а у самого мелькнула мысль: «Возможно, вместе с комфлотом идет к нам новый командир корабля».

Корабль наводнили звонки, возвещавшие о большом сборе. На верхней палубе выстроились моряки.

Быстров, подтянувшись, стоял у трапа и взволнованно ждал встречи. Душенов подошел к борту, что-то долго наказывал сопровождавшим его командирам, затем распрощался и вступил на трап. Быстров скомандовал: «Смирнооо!» Доложил по всем правилам и, шагая по палубе вдоль строя, едва поспевал за комфлотом. Лицо его было устало-озабоченным, возле губ и глаз собрались морщинки, но чувствовалась сила духа и жизнерадостность.

Давно ли на флоте был большой, небывало праздничный день — день выборов в Верховный Совет СССР. Над Полярным развевались флаги, звучали песни. Люди шли к урнам отдать свои голоса за командующего — Константина Ивановича Душенова, а он, верный своей беспокойной натуре, неутомимый созидатель, накануне выступая по радио, призвал: «Все на строительство спортивного стадиона», оделся в комбинезон и вышел на площадку, где работали сотни моряков, глядя, куда бы пристать самому. Ему хотелось поддержать в руке лопату, поднять груды камней и ощутить их тяжесть, его крепкое натренированное тело истосковалось по простому физическому труду. Глядя на сопки, утонувшие в мареве, на пеструю толпу людей, копошившихся там, внизу, он принимался за новую работу и в толпе моряков чувствовал себя особенно хорошо...

Сейчас они вошли в салон. Душенов снял фуражку, расстегнул шинель и, сев на диван, первым делом спросил:

— Как вы тут живете?

Быстров уловил смысл: как живете без командира Сергея Степановича Говоркова? Не легко ответить. Скажешь — справляемся, комфлотом подумает: «Вот какой самоуверенный». Сказать — не справляемся, это все равно что выбросить флаг капитуляции. Быстров ответил уклончиво:

— Служба идет!

— Поздравляем вас, товарищ флагман, с избранием в депутаты,— сказал Чернышев.

Душенов улыбнулся и прищурил глаза.

— Благодарю. Почет и доверие ко многому обязывают. Буду плохо работать — могут попросить о выходе...

— Ну что вы, товарищ командующий. С вами такое не случится.

— Как знать?! — бросил Душенов и перешел к делам: — Вы готовы к походу?

— Так точно! Топливо, боезапас приняты. Стоим в часовой готовности. Ждем указаний.

— Задачи вам будут поставлены позже, а пока переходите в Ура-губу. Завтра в двенадцать ноль-ноль я тоже туда прибуду.

Душенов поговорил еще о делах с Быстрым и Чернышевым, затем поднялся, застегнул пуговицы шинели, на рукавах которой успела потускнеть позолота галунов, козырнул и направился к выходу.

В эту минуту Чернышев, набравшись решимости, спросил:

— Разрешите узнать, кто будет командовать кораблем?

Душенов уже открыл дверь, только не успел перешагнуть комингс, остановился, бросил острый взгляд на Чернышева:

— Как кто?! Пока капитан третьего ранга Быстров, а после учений вопрос решим окончательно.

Быстрым шагом, не оглядываясь, он прошел по палубе, спустился к трапу, скомандовал: «Вольно!» — и торопливо зашагал по пирсу к другим кораблям.

Быстров минуту-две смотрел ему вслед, а потом

вернулся и над палубой послышался его зычный голос:

— Вахтенный командир! Играть аврал. С якоря сниматься! Переход в Ура-губу.

* * *

...Через несколько часов эскадренный миноносец поправлялся с двумя гранитными валунами, обозначавшими входные ворота, а дальше открывался неширокий залив, окруженный сопками и очень похожий на горное озеро.

Быстров стоял на мостике, рука крепко сжимала скобу машинного телеграфа. Корабль шел самым малым ходом, рассекая носом спокойную гладь воды. Кругом было удивительно тихо и совсем безлюдно. Только чайки проносились низко, прочертив крыльями по воде.

Стрелка машинного телеграфа остановилась на «стоп», загремела якорь-цепь, вырвавшаяся из клюзов, и по переговорной трубе на мостик донеслось:

— Глубина сто десять метров!

До слуха Чернышева, после бессонной ночи отдохнувшего в каюте, донеслись звонки и топот ног по железной палубе. Он догадался — начальство! Надел китель, шинель, фуражку и выбежал на мостик в тот самый момент, когда, разбрасывая по сторонам густой пенистый бурун, катер Душенова показался в гавани. Команда выстроилась для встречи. Сигнальщик держал в руках горн и играл захождение. Это было похоже на парад. Сверкающий белизной мореходный ЯМБ развернулся и с особым шиком пристал к трапу. Послышался рокочущий бас Быстрова, замер строй моряков.

Комфлотом, сопровождаемый командирами-штабниками, шел вдоль строя, здоровался, в ответ несло «ура!...». Он поднялся наверх в каюту флагмана и едва успел снять реглан, как появился командир из штаба флота:

— Товарищ командующий! Силы «красной» и «синей» стороны заняли исходное положение.

Душенов выслушал доклад и немедленно проговорил:

— Дайте по флоту радио: с нуля часов начать учения!

...Над водой клубился туман, но едва солнечный диск возник далеко на горизонте, как все преобразилось, заиграли новые краски: по воде разлилась синева, висевшие неподвижно перистые облака окрасились в розовый цвет и поплыли в неизведанные дали.

В небе возникал гул: то самолеты-разведчики пронеслись на больших высотах, ведя поиск кораблей условного противника.

В штабах «красной» и «синей» стороны люди не смыкали глаз. Не спал и Быстров. Он сидел над картой, поглощенный размышлениями. Сам того не желая, он день ото дня получал все новые и более сложные задачи. Давно ли ему поручили командовать кораблем, а тут вдруг объявили, что на учениях он будет командовать корабельно-ударной группой. Передавая ему данные воздушной разведки, командующий флотом предупредил: «Утром жду ваше решение».

Вот почему всю ночь Быстров просидел над картой. Белесый полночный свет подчеркивал острые скулы, выдававшиеся на его жестком напряженном лице. Казалось, что даже в Испании все обстояло куда проще, хотя там были далеко не учения, а каждый раз при выходе в море на чашу весов ставились боевые корабли и сотни человеческих жизней. И все же там Быстров умел сразу оценить обстановку и предложить план действий, который в большинстве случаев приносил успех республиканскому флоту. А сейчас душу терзали какие-то сомнения. Не шуточное дело командовать группой, которая будет решать успех дела; как навязать «противнику» бой в самых невыгодных для него условиях и как обеспечить победу?!

Держа в руках маленький циркуль, он измерял расстояние по карте, мучительно думал над разными вариантами встречи с «противником», потом вставал, делал несколько широких размашистых шагов по каюте, опять подходил к столу с картой, и, как семя прорастает из земли и медленно поднимаются всходы, в его голове постепенно созревало решение.

...Солнечные лучи брызнули в иллюминаторы, и обыденность, серость, мрак отступили. Веселее стало на душе. Быстров взглянул на часы: пора было собираться на доклад. Он свернул карту, собрал бумажки и подошел к зеркалу. Увидел свое лицо землистого цвета, измятый воротничок под кителем, и ему стало неловко представ-

латься в таком виде начальству. Он снял китель, пришел белую полоску и вышел из каюты.

Было совсем рано, до подъема оставался еще целый час. На палубе у орудий и на мостиках у зениток бодрствовали комендоры. Упорные тренировки не прошли даром. Люди стояли в готовности, посматривали в ясное небо и, услышав команду, каждый миг могли открыть огонь.

Быстров, хмурый, озадаченный, не глядя ни на кого, прошел в каюту флагмана. Душенов слушал его, склонив голову и что-то рисуя на чистом листе бумаги. После доклада он сделал свой короткий вывод: «Оригинально задумано! Ну что ж, добро, действуйте!»

Вечерело, когда эскадренный миноносец снимался с якоря.

Темнота скрадывала стоявших рядом с Быстрым комбрига и командующего флотом, но в сознании все время жила мысль, что начальство здесь и неловко ему, прошедшему испанскую школу, допустить пусть даже самые незначительные промахи.

Корабль шел в узкости малым ходом, впереди мигали створные огни. Где-то внизу угадывалась черная вода, бившая о борта. Вечно озабоченное и беспощадное море было верно своим законам. Его темнота, его беспредельность, его полное безразличие к людям всегда вызывало у Быстрова странное и недоверчивое чувство. Но сейчас он не думал об этом. Не давала покоя мысль о предстоящем бое. Он задумал провести этот бой в полной согласованности с морской авиацией. Такого еще не бывало на Северном флоте. Многие при слове «взаимодействие» удивленно пожимали плечами, и ему, Быстрову, предстояло раскрыть суть этого, пока еще неясного, понятия.

Самолеты-разведчики сделали свое дело: они обнаружили противника на линии Норд-Кап — остров Медвежий, и теперь следили за движением его кораблей; часто шифровальщик появлялся на мостике, протягивая Быстрову радиogramму. Она передавалась командующему, который шагал вразвалку, стараясь приспособиться к качке. Не желая нарушать светомаскировку, на минуту заходил в штурманскую рубку, прочитывал радиogramму и молча возвращал обратно, а потом долго смотрел в бинокль вперед по ходу корабля, в густую темноту, и назад — в кильватер, где тоже лежала крошечная тьма и в черноте сверкали ходовые огни еще двух кораблей.

А над миноносцем раскинулся огромный звездный шатер, и штурман, объявившийся на мостике с секстаном в руках, обрадованно воскликнул:

— Погодка что надо! По особому заказу штурманской части.

— Ни к черту не годится ваша погода,— отрызнулся Быстров.— Лучше бы облачность, дождь, а то еще луна покажется — и мы будем как жуки на тарелке.

Штурман понял, что его слова невпопад, хмыкнул и поспешил на другое крыло мостика.

Быстров стоял, поеживаясь от ветра и напряженно думая: верны ли его расчеты, все ли предусмотрено на случай внезапной встречи с «противником». Он знал по Испании, как часто, казалось бы, все подготовлено, продумана каждая мелочь, и вдруг какая-то неожиданность — и все твои расчеты летят вверх тормашками.

Он подошел к ограждению мостика и взглянул вниз. Оттуда, из темноты, доносился притглушенный говор. У орудий в готовности стояли расчеты, на матах лежали трубки снарядов. По возбужденным голосам комендоров можно было понять, что и они думают только о предстоящем бое. Все данные воздушной разведки наносились на карту, непрерывно велась прокладка курса обоих «воющих сторон».

Быстров вошел в штурманскую рубку и посмотрел на карту: до острова Медвежий не так уж много осталось, еще ближе встреча с кораблями «противника».

— Если они не изменят курс и ход, через час сорок встретимся,— все с тем же оптимизмом в голосе сообщил штурман и обозначил крестиком место предполагаемого randevu.

«Час сорок — это не мало,— с опасением подумал Быстров.— Облака могут рассеяться, выглянет луна — тогда пиши пропало! Надо это время сократить. Сократить во что бы то ни стало! Правда, котлы старые. Механик вечно жалуется, что, мол, на честном слове держатся. И все же надо!»

Он вернулся на мостик, вызвал к переговорной трубке механика и сказал:

— Необходим «самый полный»! Понимаете? Обстановка требует. Усиьте там вахту и прочее.

Механик совсем неожиданно для Быстрова бодро откликнулся: «Есть!» — и поспешил вниз.

— Доложите о готовности,— напутствовал его Быстров и снова стал осматриваться кругом.

Через несколько минут снизу донесся знакомый голос: «Готовы, товарищ командир!»

Быстров перевел ручку машинного телеграфа на «самый полный», ощутил толчок вперед, задрожали переборки. Корабль, казалось, стал легким, поворотливым, еще более послушным в управлении.

— Вы что, самый полный дали? — спросил комфлотом.

— Так точно!

— А котлы выдержат?

— Надеюсь, товарищ командующий.

Душенов покачал головой и снова зашагал с одного крыла мостика на другой. И хотя вокруг лежала густая темнота, Быстров ясно представлял себе ту трассу, по которой шли сейчас корабли. «А случись война,— подумал он,— вот так же, как сейчас, в ночном мраке, будут подкрадываться надводные корабли и уж наверняка этот район станет ареной действий подводных лодок».

Думалось и о том, с кем же мы будем воевать? Ну, разумеется, с теми, с кем борется сейчас истекающая кровью Испания.

Караваны с горючим и боеприпасами наверняка пойдут этими путями, и где-то тут, в норвежских фиордах, будут укрываться немецкие корабли, быть может даже крейсера типа «Нюрнберг», что сегодня изображает наша плавбаза. А возможно, еще более сильные плавучие крепости. У немцев большой флот, и название кораблей не имеет значения. Факт тот, что здесь, именно здесь, развернутся сражения. И победит умелая, расчетливая тактика. Вот когда потребуется превосходство в ходах, маневренности, силе огня. Увы, пока мы по всем этим признакам уступаем нашему будущему реальному противнику.

Нервы напряглись, ощущалась взволнованность, которую не раз испытывал Быстров в Испании, находясь на ходовом мостике и предвкушая близкую встречу с фашистскими кораблями, когда кажется, что каждый мускул затвердел и все внутри тебя собрано для атаки.

Минутные воспоминания пронесли. Быстров глубоко вздохнул и был опять во власти беспощадных дум и волнений, связанных с надвигавшимися событиями.

Самолеты-амфибии, барражируя в воздухе, донесли, что «противник» обнаружен и летчики готовы нанести первый удар. Быстров медлил с ответом. Он знал по испанскому опыту — в эфире надо соблюдать осторожность, иначе тебя засекут — и все пропало.

Вместе с тем наступала пора действовать.

Летчикам отдана команда, и через несколько минут еще яснее послышался гул: самолеты пронеслись вперед.

«Хотя бы не спутали, не приняли нас за «противника». Не осветили наше боевое ядро. Иначе все насмарку», — опасался Быстров, но самолеты развернулись и пошли к цели, гул их моторов постепенно удалялся и наконец совсем стих.

Быстров смотрел на часы: сейчас должна начаться атака авиации. Едва он успел об этом подумать, как впереди во всю широту неба блеснуло что-то, наподобие зарницы, и снова погасло. Только старшина сигнальщиков за этой мгновенной вспышкой своими зоркими кошачьими глазами заметил силуэты кораблей и прокричал сверху с наблюдательного поста:

— Прямо по курсу корабли «противника»!

Взглянув на карту, Быстров понял, что несколько миль отделяют миноносцы от условного противника.

Ветер свистел, и за бортами глухо ударялась вода. Казалось, не только команда корабля, но и само море напружинилось, пришло в ярость и жаждет боя.

Быстров ощутил прилив радости, когда вслед за первой короткой вспышкой там, вдали, по всему горизонту, запылал яркий свет, словно это была сцена, которую в один миг с разных сторон осветили прожекторы. И на этом фоне ясно выступили силуэты кораблей «противника». Так это и задумал Быстров, разрабатывая свой план. Самолеты должны были появиться с тыла и осветить неприятельские корабли. В этом заключался секрет внезапности. И вот они — темные кирпичики, покачивающиеся на воде. Тут все настолько очевидно, что даже не нужны донесения сигнальщика, который кричит до хрипоты, докладывая курсовые углы и число кораблей, появившихся у всех перед глазами, точно на экране кино.

Боевая тревога сыграна. Корабли вышли из кильватера и развернулись в строй фронта, напоминая самый настоящий фронт бойцов, занявших исходное положение для атаки.

Быстров слышал доклад радиометристов по переговорной трубе:

— Цель прямо по курсу. Дистанция восемь кабельтовых.

На корабли отряда поступило приказание: иметь курс двести двадцать.

Ветер приносил каскады брызг, ложившихся на лицо, Быстров почувствовал озноб и поднял воротник плаща. Не слышал он шумного, разъяренного моря, волн, ударявшихся о борта корабля, не видел звезд над головой, мерцавших в далеких заоблачных высотах. Глаза впились в полосу, озаренную бомбами ФАБ, сброшенными с самолетов, и в тех черных жучков, что вдали раскачивались на волнах.

— Огонь!— крикнул он что было силы и не успел перевести дыхание, как из боевой рубки послышался отклик:

— Есть огонь!

Быстров испытывал удовлетворение: команда исполнена быстро, без промедлений, и снизу тоже доносились энергичные команды:

— Дистанция... Прицел... Целик... Огонь, огонь, огонь!

Черноту прорвали вспышки корабельных прожекторов. Один... другой... третий... Они зажигались и тут же гасли, имитируя артиллерийские выстрелы. Все остальное — выход на боевой курс, расчеты на стрельбу, действия комендоров — все-все было, как в настоящем морском бою.

Пожилой капитан второго ранга, выполняющий роль посредника в эти ответственные минуты, стоял рядом с Быстровым, держа в руке секундомер с фосфоресцирующими стрелками и следя за открывшейся ему картиной, досадовал и не мог сдержаться, ругался:

— Шляпы! Три минуты прошло, что они там чешутся?! И в этот миг на борту плавбазы, изображающей тяжелый крейсер «противника», сверкнули ответные вспышки.

— Три минуты сорок секунд чесались,— продолжал, шепелявя, посредник.— Случись такое в бою, они и опомниться бы не успели, пошли на дно треску кормить.

Быстров прислушивался, но не отвечал, боясь рассеять внимание, потому что близилось самое важное — исход боя, и тут нужна предельная собранность ума и душевных сил.

Сейчас корабли маневрировали: «Право руля... Лево руля... Так держать!», сбивали пристрелку, уклонялись от прямых попаданий, а внутри что-то подсказывало Быстрову: «Ты под огнем. Давай предельный ход! Быстрота сближения все решит!» Он перевел ручку телеграфа на «самый полный» и ощутил дрожь всего корпуса, точно это был человек, которого схватил приступ лихорадки.

Он понимал: нельзя долго держать такой ход, котлы не выдержат предельного давления, а вместе с тем он находился во власти боевого азарта, всем своим существом ощущал, будто сейчас решается кто кого. И ради победы этот корабль, и его собственная жизнь — все-все должно быть поставлено на карту.

— Дым!

С носа и кормы потянулись густые желтые клубы, окутавшие корабль и быстро растекавшиеся над водой.

Миноносец стремительно мчался навстречу кораблям «синей» стороны, готовый врезаться в их строй. Только ветер завывал в вантах. И когда доложили — дистанция семь кабельтовых, Быстров громко кликнул в переговорную трубу:

— На торпедных аппаратах!

— Есть! — ответили ему.

— Торпедные аппараты, товсь!

Оттуда ответили: «Товсь!»

И тогда он жестко скомандовал:

— Пли!

Дрогнула палуба, мелькнули огненные вспышки, поднялись клубы дыма. Три торпеды плюхнулись в воду и понеслись навстречу «противнику». С той стороны не сразу вспыхнули прожекторы, а когда они осветили узенькие дорожки, по которым шли торпеды, было уже слишком поздно, маневр уклонения не получился, и десятки глаз наблюдали, как учебно-боевые торпеды после удара о борта плавбазы исчезли и тут же всплыли.

Только теперь Быстров облегченно вздохнул и в наступившей тишине услышал все тот же шепелявый голос посредника, обращенный к командующему: «Товарищ флагман! Разрешите дать отбой, картина, на мой взгляд, предельно ясная».

— Согласен... Добро! — коротко отозвался Душенов, молча наблюдая построение кораблей в кильватерную колонну.

Скоро самолеты улетели. Погасли прожекторы. Корабли, скорее, угадывались, нежели виделись по кильватерным огням. Только сердитое море по-прежнему билось и kloкотало у бортов, да встречный ветер ударялся в парусину обвесов, с ревом обтекал мачты, надстройки и несся дальше в океан... Да звезды в небе были нейтральны...

Все поверяющие и гости, долгие часы находившиеся на мостике, сейчас вместе с командующим спустились в кают-компанию на ужин.

Быстров остался на мостике в привычном обществе рулевого и сигнальщиков. Казалось, он встал после болезни: голова кружилась, в ногах не ощущалась привычная твердость. Многодневное напряжение давало себя знать.

Хотелось повидать Чернышева. Увы, его поблизости не оказалось. Не любитель мельтешить на глазах у начальства, он большую часть времени находился в машине и на других постах, где решался успех дела.

«Кажется, лицом в грязь не ударили», — подумал Быстров. Ему было особенно приятно порадовать комфлотом. Правда, он не выразил одобрения. Но сразу согласился с посредником и разрешил дать отбой. Этот факт говорит о многом...

Он мог сегодня видеть, что разговоры насчет испанского опыта не пустая болтовня. Постоянная готовность, взаимодействие с авиацией, атака артиллерией и торпедами, искусный маневр — многое, что применялось в Испании, повторено этой ночью. «Смотрите, товарищ командующий, оценивайте, принимайте на вооружение или отвергайте... Вам виднее».

Размышления прервал благодушный голос Душенова, он слышался еще с трапа:

— Теперь, командир, твоя очередь ужинать.

— Спасибо за заботу, товарищ командующий. Только я есть не хочу.

— Неправда! Обед когда был?! А сейчас ночь. Если я буду держать командиров на таком режиме, они на мостике ноги вытянут. Не хочу на свою душу грех брать. Иди, иди, командир, — с шутливой интонацией настойчиво повторял Душенов. — Когда воевать шли, ты был нужен, а теперь мы как-нибудь без тебя управимся. Правильно, комбриг?!

— Так точно! — слышался голос из темноты.

Быстров и в самом деле не проголодался, нервное напряжение убило все желания. Единственное, что ему безумно хотелось,— это спать. Спать и спать... Но ведь не признаешься командующему... И он стоял, вглядываясь в темноту и недоумевая: «Почему он назвал меня командиром? Разве по привычке? Забыл, что тут не Сергей Степанович Говорков, а всего лишь старший помощник».

Близился момент совершать очередной поворот и ложиться на новый курс, теперь — к родным берегам! Точно, минута в минуту. Быстров подал команду и глянул за борт: там, в черноте, блестело, фосфоресцировало море, бурлила, пенилась вода, возбужденная винтами, и ясно обозначилась дорожка, которую словно прочертили корабли во время поворота.

...Разбор учений был назначен в Доме флота. У входа стояли часовые, проверяя пропуска и удостоверения личности, подозрительно всматриваясь в лица командиров, сверяя их с фотографиями.

У двери образовалась очередь. В толпе возвышалась плотная мускулистая фигура Быстрова, и рядом с ним топтался на месте невзрачный на вид, худощавый Чернышев. Оба предельно утомленные: несколько суток в море; пока шли учения, у них не было времени не только на отдых, даже на то, чтобы остаться наедине, перебраться двумя словами. И прямо с моря — сюда. Они продолжали быть во власти пережитого. Быстров мысленно возвращался к учениям — к удару, который наносила артиллерийская группа под его командованием, к торпедной атаке эскадренного миноносца, в самый решительный момент выскочившего из дымовой завесы. Пожалуй, такой красивой атаки он не припомнит даже в Испании. А потом комфлотом, очевидно, решил устроить еще один экзамен и на рассвете следующего дня приказал выполнить зачетные стрельбы.

Вспомнив то утро, Быстров поежился, неприятное ощущение осталось у него от промозглой сырости, мглы и снежных зарядов.

На войне нет скидки на погоду. Пришлось стрелять. Не в пример тому, что было на учениях,— тут уже по-настоящему били из главного калибра по щитам с яростью, азартом, какой рождается перед лицом опас-

ности. Вот только каковы результаты? Этого сразу не узнаешь, а сегодня на разборе, возможно, сообщат. Не важно, будет ли сказано что-нибудь о нем, Быстрове,— это дело последнее. А вот какую оценку получит весь экипаж? И будет ли эскадренный миноносец оставаться флагманским кораблем Северного флота.

Зазвенели звонки, и все вошли в зал, где привычно было видеть празднично одетую толпу, а сегодня здесь было совсем другое — строгость, ожидание чего-то важного...

Послышалась команда:

— Встать!

Из задней двери появились Душенов, гладко выбритый, молодцеватый, с ним член Военного совета Байрачный и Сергей Степанович Говорков.

В легкой походке, стремительности Душенова было что-то очень молодое, что никак не вязалось ни с его положением, ни с тем нарочито-суровым видом, который он сейчас принял.

Выслушав рапорт, не глядя по сторонам, сосредоточенный и собранный, он шел к сцене. Байрачный и Говорков едва за ним поспевали...

Все трое заняли места за длинным столом. Вынесли карту северного морского театра. Душенов подошел к ней, держа в руках указку. Даже не заглядывая в доклад, лежавший в раскрытой папке, он начал излагать силы сторон, идею учений и как она шаг за шагом воплощалась в реальность. Все говорилось по памяти, с протокольной точностью. Ничего сухого, академического. Это был живой рассказ участника о виденном, который сразу увлек слушателей, а отступления и размышления были еще интереснее, потому что в них ощущалась наблюдательность, глубина ума и желание увидеть завтрашний грозный день.

— Если грянет война, мы с вами можем оказаться в фокусе событий, на самых важных внешних коммуникациях с Западом через Атлантику и на наших внутренних морских путях с востока, из Тихого океана по Северному морскому пути. Мы будем защищаться и наступать. Да, да, наступать,— сжав руку в кулак, настойчиво повторил он, обращаясь в зал,— подобно тому, как это сделал на учениях командир эскадренного миноносца капитан третьего ранга Быстров.

Многие удивленно переглянулись. Они знали на флоте всех командиров не только по фамилии, но и в лицо. А имя Быстрова слышали первый раз. «Откуда он взялся?» — думали люди, сидевшие в рядах. Да и сам Быстров, вторично услышав «командир корабля», немало смутился, даже порозовел.

Адъютант снимал одну карту, вешал другую, и в паузе, когда голос Душенова смолкал, Быстрову было особенно радостно за человека, который с первой встречи восхитил его представительным видом и орлиным полетом мысли.

— Силы «красной» стороны в целом заслуживают положительной оценки. Особо считаю необходимым выделить действия экипажа эскадренного миноносца и молодого командира корабля капитана третьего ранга Быстрова.

«Опять командира? Старпома!» — готов был напомнить Быстров. Но сам комфлотом внес полную ясность:

— Для товарища Быстрова это был серьезный экзамен. Вот почему я не колеблясь назначил его командиром корабля.

Чернышев, улыбнувшись, посмотрел на Быстрова, другие командиры, сидевшие в одном ряду, так же повернулись к ним, дружески улыбаясь, словно хотели сказать: «Поздравляем!»

Быстров не сводил глаз с Сергея Степановича Говоркова, изучал его лицо, жесты, стремясь понять, не ущемлен ли он похвалами в адрес экипажа корабля и самого Быстрова, не обижен ли, что не называют его имя. К радости своей, никаких признаков обиды он не заметил. Наоборот, при упоминании Быстрова Сергей Степанович наклонился к члену Военного совета, что-то ему сказал, и оба улынулись.

И все же Быстров ощутил себя в положении человека, который, не посеяв, снимает обильный урожай. Ведь не может он принять это на свой счет — все знают: многие годы учебы и тренировок экипажа подготовили успех, и на разборе учений как-то неловко, что вдруг он, Быстров, представлен в единственном числе. Хотя бы еще назвали Чернышева за компанию. Все же Чернышев — это какая-то частица Говоркова, во всяком случае, каждый из них вложил гораздо больше сил в подготовку моряков, чем он, Быстров, в сущности говоря попавший

после Испании из огня да в полымя. И не успел Быстров подумать до конца, как снова услышал слова Душенова:

— Нужно признать ценным опыт моряков эскадренного миноносца. Весь флот должен в ближайшее время перейти на повышенную готовность. Учения еще раз показали, что такая организация дает нам огромные преимущества перед противником. При таком положении мы никогда не будем застигнуты врасплох.

Чернышев теперь уже не улыбался, сидел с серьезным лицом, глядя на сцену, и только крепко сжимал руку Быстрова, выражая многое, что не скажешь словами...

* * *

Нас отделяет четыре десятилетия с лишним от событий, положенных в основу документальных рассказов о К. И. Душенове — выдающемся советском флотоводце, который так и не увидел, как завершилось начатое им дело. Трагическая смерть все же подкараулила его слишком рано. А вот мальчуган Юрка... Впрочем, простите, какой уж там мальчуган! Сейчас Юрий Константинович старше, чем был его отец в пору, когда командовал флотом. Непросто сложилась его судьба. Мечтал о флоте, но на войну попал танкистом, четыре года под огнем, прошел через все боевые испытания и нашел в себе силы и настойчивость, чтобы все-таки стать моряком. Сегодня он инженер-капитан первого ранга в отставке, а был много лет старшим преподавателем высшего военно-морского инженерного училища имени В. И. Ленина. Всякий раз с радостью приезжал он на Северный флот то руководителем курсантской практики, то главным судьей ежегодных спортивных соревнований на приз имени К. И. Душенова. А иногда и просто так пройти по улице имени Душенова в столице флота Североморске, повидаться с местами, где прошло детство...